

УДК 81'373.233

ЗНАЧИМОСТЬ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЛЕКСЕМЫ *НАСЛЕДНИК* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.И. Галеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья раскрывает процесс сужения семантического объёма лексемы *наследник*, а также её производных (*наследовать*, *наследник* и проч.) начиная с XI в. по настоящее время. Фундаментом проведённого исследования стали данные различных лексикографических источников и Национального корпуса русского языка. Особое внимание автором уделяется коннотативной нагрузке указанных слов и особенностям их употребления в разных текстах: художественных, публицистических, официально-деловых и др. Пути семантических изменений статусной номинации рассматриваются с учётом общих языковых и исторических процессов, проходивших в России. Лексема *наследник* в допетровскую эпоху была многозначной, использовалась преимущественно в бытовой и религиозной сферах. В XVIII – XIX вв. полисемия исследуемого слова развивается в языке политики и юриспруденции. В XXI в. вновь, как и в допетровскую эпоху, используется главным образом в значении 'преемник'.

Ключевые слова: социальная структура, сословный термин, терминология, титул, русский менталитет

Центральной темой интересов Э.А. Балалыкиной как ведущего слависта стало диахроническое исследование аффиктивного суффикса *-н-*, ставшего базисным при формировании множества производных морфем в русском языке. Среди подобных аффиксов, использующихся для образования существительных, первое место занимает формант *-никъ*, явившийся результатом осложнения прилагательных с древнейшим суффиксом **-in* (славян. *-ьнъ*) морфемой *-икъ* [1, с. 76]. Назначением подобного осложнения была ликвидация исконной двойственности форм на *-ьнъ*, совмещавших в себе признаки имени и признака, и закрепления за новообразованием значения единичности и определённости [2]. В дальнейшем в сферу исследовательских интересов входят также конфиксы с участием данных компонентов, в частности *на...ник* (см. [3]).

В одной из своих работ академик В.В. Виноградов подчёркивает научную значимость изучения лексемы *наследник* в составе словообразовательного гнезда существительного *след* для исторической лексикологии: «Особый интерес для исторического исследования представляют многочисленные лексические и словообразовательные группы, возникшие от слова *след* и производных от него *наследник* и *последний*, которые также вошли в состав основного словарного фонда русского языка» [4, с. 63].

Настоящая статья посвящена семантической эволюции и деривационным связям значимой для истории и культуры, языка и уклада лексемы *наследник*. Развитие её семантики и лексическая сочетаемость ранее описывались нами в диссертационном исследовании «Наименования лиц по высшему социальному статусу в русской языковой картине мира XVIII – начала XXI в.» [5, с. 76–83].

Несмотря на отсутствие отдельных статей о лексеме *наследник* в этимологических словарях, очевидным является факт соотнесённости двух лексем *наследовать* и *наследник* ещё в древнерусский период. Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», собранным И.И. Срезневским, и производящее, и производное слова были многозначными. Так, у слова *наследник* наряду со значением ‘тот, кто должен наследовать’ (**По сихъ преставися Врославъ... оставивъ наслѣдники сыны свога... Иак. Бор. Гл. 124**) выделяются и более общие ‘преемник’ (**Наслѣдникъ епископѣ творити не правьдъно. Ефр. Крм. Апл. 76**), ‘имеющий право получить’ (**Да наслѣдници безконечнаго царства Божія вѣдѣте. Грам. Θεογν. м. Черв. Яр. д. 1353 г.**) и ‘последователь’ (**Хѣоу наслѣдникъ, пр(д)внѣ, вѣсть. Новг. Мин. Сент. д. 1200 г.**) (Срезн., т. 2, ч. 1, стб. 333–334). В древнерусском языке у этого слова был пароним **наслѣдкъ** ‘наследник, наследники, потомство’ (**Наслѣдъка его гѣна доврѣ вѣдѣ. Нект. о Θεοδ. Мин. чет. февр. 349**) (Срезн., т. 2, ч. 1, стб. 333).

В среднерусский период, по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), слово *наследник* получило широкое применение и в религиозных текстах в значении ‘Сын Божий’ (*сыновства Божия сподобииася, и царствія Его вечный наследник явишиася*), и в светской переписке в качестве юридического термина (*К сему же блюди, дабы от чужозого семене наследника имению твоему не зачала*), и в официальной сфере как синоним титула *государь* (...и иных многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчичю, и дедичю, и наследнику, и государю, и обладателю), а также использовалось в прямом значении – ‘наименование лица, которое что-либо наследует’ (*последняго наследника Батыева*).

В лексикографических источниках, отражающих особенности языка петровской эпохи, мы видим, что бывшая многозначность искомой лексемы постепенно утрачивается. Так, в «Словаре Академии наук», напечатанном в 1789–1794 гг. (САР1), а затем в 1806–1822 гг. (САР2), *наследник* – «преемник, имеющий право вступить во владение имения, звания, места, оставшегося после чьей смерти» (САР1, ч. 5, стб. 580; САР2, ч. 3, стб. 1199). Только ‘лицо, получившее наследство или имеющее право на его получение’ даёт «Словарь русского языка XVIII в.», несмотря на то что слово ранее активно употреблялось и в других значениях, например ‘продолжатель какого-либо дела’, о чём свидетельствует сказанное выше. При этом мы имеем следующие примеры употребления рассматриваемого слова: *Горестъ меня снѣдает, видя тебѣ наслѣдника, весьма на правление дѣл Государственных непотребнаго. Устр. 346; Наслѣдники проклинали Эскулапа, когда выльгчивал стариков. Трут. 1769 148; Он уже приходил в глубокую старость и не имѣл по себѣ наслѣдника. Члкъ Пересм. II 99; Без вѣры не возможно угодити Бѣгу, и яко в самом отрождении нашем сотворихомся наслѣдницы Бѣгу и сонаслѣдницы Хрѣсту. Пркп. Ал. Невск. (СлРЯ XVIII).*

В различных законодательных актах Российской империи начиная с 1762 г. описываемая нами лексема используется как титул цесаревича и великого князя Павла Петровича во время правления его матери императрицы Екатерины Великой. В документе, известном как Акт о престолонаследии (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 191. Л. 16–17), данный атрибут получает постоянную основу, коль скоро становится регламентированным его присвоение:

*МЫ ПАВЕЛ, Наследник, Цесаревич и
Великий Князь, и МЫ, Супруга Его МАРИЯ
Великая Княгиня.*

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

<...> Положив правила наследства, должен объяснить причины оных, они суть следующая: дабы Государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследстве, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род. <...>¹

Титул *наследник* синонимичен, но не тождественен титулу *цесаревич*. Цесаревичем может называться любой законный сын императора, наследником – только тот, кому предполагается передать власть после смерти императора. *Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь* – так должно звучать определение будущего потенциального монарха согласно Акту о престолонаследии от 7 апреля 1797 г.

В Своде законов Российской империи (СЗРИ, т. 10, ч. 1, кн. 2, разд. 2), помимо прочего, существует термин *наследник по закону* – нисходящее по прямой линии потомство, с соблюдением старшинства по праву первородства и представления, «за исключением лишённых всех состояния и постригшихся в монахи» [6, с. 35]. К числу так называемых дальних наследников некоторое время в соответствии со ст. 1108 относились «лица, лишённые дворянства и разжалованные в рядовые с выслугой или без выслуги... однако пока “выслугой не возвратят они себе прежнего их состояния”» [7].

Словосочетание *наследник престола*, согласно НКРЯ, получает в языке XIX в. широкое распространение в научных работах, посвящённых истории и этнографии: *Наследник престола – восьминедельный младенец в колыбели, его назначение ещё не оглашено, и кто знает, как отнесётся к нему народ...* (Н. Костомаров); *...почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем (Иакинф (Бичурин))*, где оно применяется к правителям как российским, так и зарубежным, а также в частной переписке: *Говорено было, что двинемся на персидскую границу; там умер наследник престола, сам шах, уверяют, при смерти* (А.О. Корнилович), публицистике: *С государем был наследник престола Александр Николаевич, граф Орлов, Бенкендорф и другие* (П.А. Висковатый) – и, наконец, в художественной литературе: *Наследник престола, великий князь Пётр Фёдорович, в ту пору «недомогал» и потому не был на похоронах Анны Леопольдовны* (Е.П. Карнович).

¹ Орфография и пунктуация источника сохранена. – Прим. ред.

Если говорить о русской идиоматике, то лексема *наследник* в сборнике поговорок В.И. Даля не отмечена (см. ДПП). Однако широкое распространение получило крылатое выражение из художественной литературы, такое как *наследник всех своих родных* (гл. 1, строфа 2 романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»). По мнению некоторых исследователей (см., например, СерЭСКСВ), оно представляет собой авторский перевод на русский язык названия комедии Ж. Реньяра «Единственный наследник» (*Le legataire universel*, 1708). В сфере французского наследственного права словосочетание, взятое в качестве заглавия упомянутого произведения, является юридическим термином. В пушкинском тексте оно также означает ‘законный и единственный наследник’, кем собственно и выступает главный герой, «лета в пыли на почтовых» к своему богатому дяде за наследством². Другое не менее известное крылатое выражение *наследник бабушкин и маменькин сынок* из стихотворения А.Ф. Воейкова «Сатира к С<перанскому> об истинном благородстве»³ (1806) употребляется для обозначения юноши, избалованного женским воспитанием (РМР, с. 416).

После революции 1917 г. лексема *наследник* не утратила своей актуальности и многозначности. В толковых словарях, увидевших свет в середине XX в. и позднее, выделяется прямое значение слова *наследник* – ‘лицо, получающее или получившее наследство либо имеющее право на него’ и переносное с пометой «книжное» – ‘продолжатель какой-нибудь деятельности, дела; преемник’ (см. СУ; МАС; СК, с. 600).

Выражение *наследник престола* зафиксировано в лексикографических изданиях под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ) и А.П. Евгеньевой (МАС), но отсутствует в словарях С.И. Ожегова (СО) и Т.Ф. Ефремовой (СЕ). Упомянутый «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой, как и «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова (СК, с. 600), относит слово *наследник* в значении ‘сын, ребёнок’ к сфере разговорной речи. В наиболее позднем из всех используемых нами лексикографических источников, в словарной статье, посвящённой слову *наследник*, приводятся ранее зафиксированные в толковых словарях XX и XXI вв. значения (СД, с. 644).

Среди производных слов, относящихся к лексеме *наследник*, а кроме того, входящих с ним в одно словообразовательное гнездо, внимания заслуживают прежде всего глаголы *наслѣдити* (наслѣжѹ) и *наслѣдовати* (наслѣдѹю), а также *наслѣдѣствити* (наслѣдѣствлю) и *наслѣдѣствовати* (наслѣдѣствѹю). Согласно данным И.И. Срезневского, в древнерусском языке эти четыре глагола различались семантически. Так, первый из указанного ряда глагол наряду со значением ‘получить в наследство’ (...комѹ бѹдетъ писалъ наслѣдити имѣнье... *Дог. Ол. 911 г.*) имел более абстрактный смысл ‘получить, достигнуть’ (*Гравители царства Божія не наслѣдятъ. Грам. Алекс. митр. 1356 г.*) и мог выражать ‘получить во владение, завладеть’ (*Оүгри Бѣлии наслѣдиша землю Словѣньскү. Пов. вр. л. введ.*) (Срезн., т. 2, ч. 1, стб. 333). Если говорить о глаголах, образованных от существительного *наследство*, то *наслѣдѣствити*

² <http://www.poetry-classic.ru/1-2.html/>.

³ http://rvb.ru/18vek/poety1790_1810/01text/12voeikov/102.htm/.

(наслѣдствлю) означает ‘получить, достигнуть’ (*Животъ вѣчнѣи наслѣдствити... Мѡ. XIX. 29. Остр. ев.*), а *наслѣдствовати (наслѣдствлю)* – ‘унаследовать’ (*Наслѣ(д)ствѣта снѣѡмъ Илѣвѡмъ*) (Срезн., т. 2, ч. 1, с. 334).

В языке XVIII в. сохраняются и *наследовать*, и *наследствовать*. При этом у первого глагола произошло сужение семантики. Так, «Словарь Академии Российской» содержит лишь значения ‘сделаться, стать, быть наследником, преемником имени, стяжания чьего по смерти; заступать на чьё место’ и ‘получить вечную и блаженную жизнь; быть участником сожития праведных’ (САР1, ч. 5, стб. 579; САР2, ч. 3, стб. 1200). Обращает на себя внимание то, что во втором случае рассматриваемое слово часто встречается в церковных текстах в сочетании с библеизмами, такими как *царствие Божие* или *живот вечный*. Фразеологизация затронула также глагол-дублет *наследствовать*: *Учителю благій, что сотворишь, животъ вѣчнѣи наслѣдствую?* Лук. 18. 18 (САР2, ч. 3, стб. 1201). В «Предисловии» к четырёхтомному «Словарю церковно-славянского и русского языка», напечатанному 19 ноября 1847 г. по распоряжению Императорской Академии наук (СЦСРЯ, с. I–XV), объясняются некоторые «процессы образования новых слов на базе основного словарного фонда», которые, как отмечает В.В. Виноградов, «в разные эпохи сопровождаются возникновением омонимов, омонимных основ, оморфем» [4, с. 63].

В языке XX в. глагол *наследовать* становится двувидовым, что отмечается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова: *наследовать все пороки предков, но он наследовал этот дом от отца* (СУ). Привлекаемые словари XX и XXI вв. выделяют, как правило, два значения у глагола *наследовать*:

- *прямое* – ‘получить (получать) что-нибудь в наследство, по наследству от кого-чего-нибудь’ (см., например, СУ, СЕ);
- *переносное* – ‘перенимать (о свойствах, склонностях и т. п.)’ (см., например, СЕ; СК, с. 600).

Не можем не отметить также тот факт, что в структуре слова *наследовать* в XX в. закрепляется сема ‘иметь (осуществить) право на получение наследства’ (см., например, СУ, СЕ).

В словообразовательном гнезде слова *наследник* существует большое разнообразие существительных, мотивированных указанной лексемой или глаголами *наследовать* и *наследствовать*. Среди них *наследница* как наименование женского пола по мужскому. Согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», эта лексема могла обозначать титул обладателя высшей государственной власти: *Дщерь Иоанна родися, которую Генрик послѣ наслѣдницею королевства огласити повелѣл*. Пуф. Ист. 1718 (СлРЯ XVIII).

Наследничек – образованное от слова *наследник* существительное с суффиксом субъективной оценки: *Здѣсь, выморочных сел наслѣдничек воскрес* (СлРЯ XVIII). По мнению составителей задействованных в данном исследовании словарей, оно не несёт негативной или пренебрежительной коннотации, что свойственно другим производным лексемам, обозначающим наименование правителей, с суффиксом *-ек/-ѣк* (ср. *царѣк*⁴ или *князѣк*⁵).

⁴ Уменьш.-уничиж. к *царь* (МАС).

⁵ ‘Князь, имеющий очень небольшое владение, князь захудалого рода’ (пренебр.) (СУ).

Существительные *наследство* и *наследие* изначально не отличались друг от друга ни семантически, ни стилистически. В течение XX в. слово *наследство*, во-первых, приобрело процессуальную семантику, обозначая либо процесс действия по глаголу несовершенного вида *наследовать*, либо результат такого действия, обуславливая паронимические отношения лексем *наследование* и *наследство* в силу сходства их лексических значений; во-вторых, наряду со значением основным ('имущество, переходящее после смерти его владельца новому лицу') появилось переносное, свойственное разговорной речи ('то, что осталось от предшествующего владельца') (СЕ).

Слово *наследие* в современном русском языке совпадает с одним из смыслов лексемы *наследство*. Основное значение с точки зрения современного словоупотребления, безусловно, 'явления культуры, науки, быта и т. п., полученные от предыдущих эпох, предшествующих поколений или отдельных деятелей' (СЕ). В более ранний период различий между данными именами не было – 'самое имение, стяжание оставшееся кому по чьей смерти' (САР1, ч. 5, стб. 580; САР2, ч. 3, стб. 1199–1201), так же как не было различий между словами *наследование* 'вступление в наследство, получение наследства' (САР1, ч. 5, стб. 579; САР2, ч. 3, стб. 1200–1201; СлРЯ XVIII; СЦСРЯ, т. 2, с. 403) и *наследствование* (САР1, ч. 5, стб. 579; СлРЯ XVIII; СЦСРЯ, т. 2, с. 403).

Взаимодействие на лексико-деривационном уровне обусловило появление паронимов *наследный* и *наследственный*. В «Словаре Академии Российской» у первого отмечено значение 'имеющий право на всё наследство, назначенный чьим наследником, преемником' (например, *наследный принц* или *наследный государь*) (САР1, ч. 5, стб. 580; САР2, ч. 3, стб. 1199–1200). В то же время это прилагательное обладало многозначностью. Оно обозначало также 'по праву наследства следующий, принадлежащий': *наследный престол*, *наследное имение* (САР1, ч. 5, стб. 580; САР2, ч. 3, стб. 1200). Если говорить о прилагательном *наследственный*, то оно в языке XVIII – XIX вв. по смыслу соответствует лексеме *наследный* во втором значении, то есть 'по наследству получаемый, достаемый': *наследственный престол*, *наследственное имение*, *наследственное заболевание* (САР1, ч. 5, стб. 580–581; САР2, ч. 3, стб. 1200; НКРЯ).

Статистические данные о жанрово-стилистических особенностях функционирования указанных выше лексем были получены из Национального корпуса русского языка. Так, основная сфера функционирования большинства – публицистика:

№	Лексема	Относительная доля, %
1	Наследство	41.5
2	Наследник	45.3
3	Наследный	58.7
4	Наследие	58.7

По тематике публицистические тексты, где употребляются слова *наследник*, *наследный*, *наследство* и *наследие*, носят общественно-политический характер. Лексема *наследница* несколько выделяется среди прочих членов словообразовательного гнезда: она значительно чаще встречается в художественной литературе (46.3%).

Рис. 1. Частотность употребления лексемы *наследник* (1800–2014 гг.)

Наиболее распространённым жанром художественной литературы, в котором употребляются анализируемые слова, является роман. Исключение составляет лишь слово *наследие*, которое чаще используется в статьях (36.6%) и монографиях (11.3%). Любопытно, что существительное *наследник* также часто встречается в мемуарах (14.8%), прилагательное *наследный* – в новостных сообщениях (19%).

Ниже приведены графики изменения частотности изучаемых лексем с 1800 по 2014 гг. по данным Национального корпуса русского языка (см. рис. 1–5). По вертикальной оси графика, который строит система, откладывается относительная частота встречаемости заданной лексемы в данном году, выраженная в единицах. Объём части корпуса, на материале которого строятся графики, составляет один миллион словоформ. На горизонтальной оси показаны годы, входящие в заданный пользователем временной интервал.

Как видно из графиков на рис. 1–5, после 2000 г. резко возрастает частотность многих лексем словообразовательного гнезда. Возможно, это обусловлено развитием публицистики или же включением в корпус текстов указанного жанра, датированных последними двумя десятилетиями. Другая общая закономерность – низкая частотность указанных слов в советский период – также может быть объяснена техническими (редакционными) факторами.

На рис. 2 наблюдается не характерный для остальных слов рост частотности лексемы *наследница* в послевоенное время. Вероятно, причиной тому стали социальные условия: вследствие дефицита мужчин как никогда возрастает роль женщины на общегосударственном и общенародном уровне.

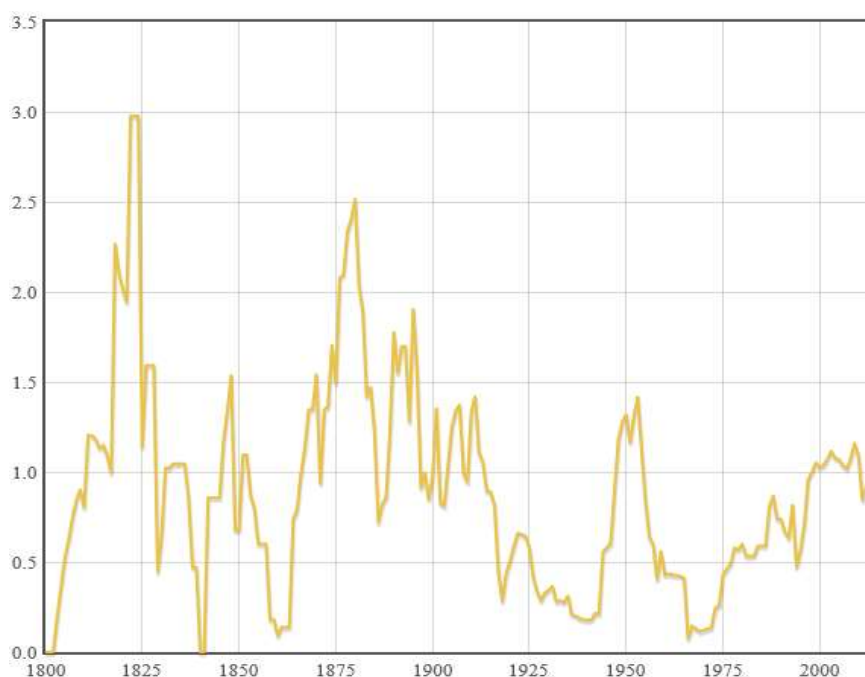

Рис. 2. Частотность употребления лексемы *наследница* (1800–2014 гг.)

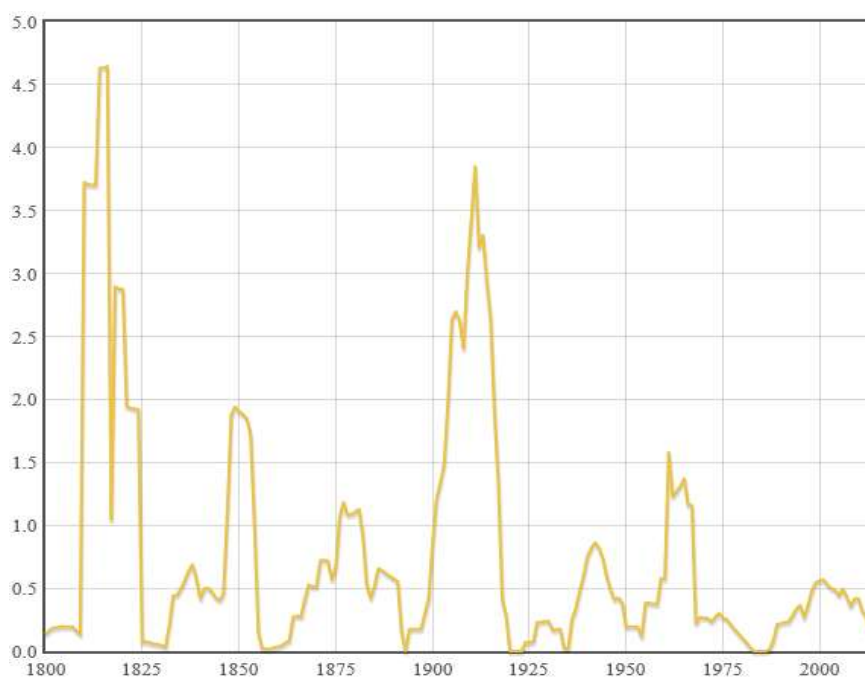

Рис. 3. Частотность употребления лексемы *наследный* (1800–2014 гг.)

На рис. 3 и 4 заметно увеличение частотности лексем *наследный* и *наследство* во время общественно-политических событий 1917–1920 гг., когда решались вопросы, связанные с преемственностью государственной власти и будущим России.

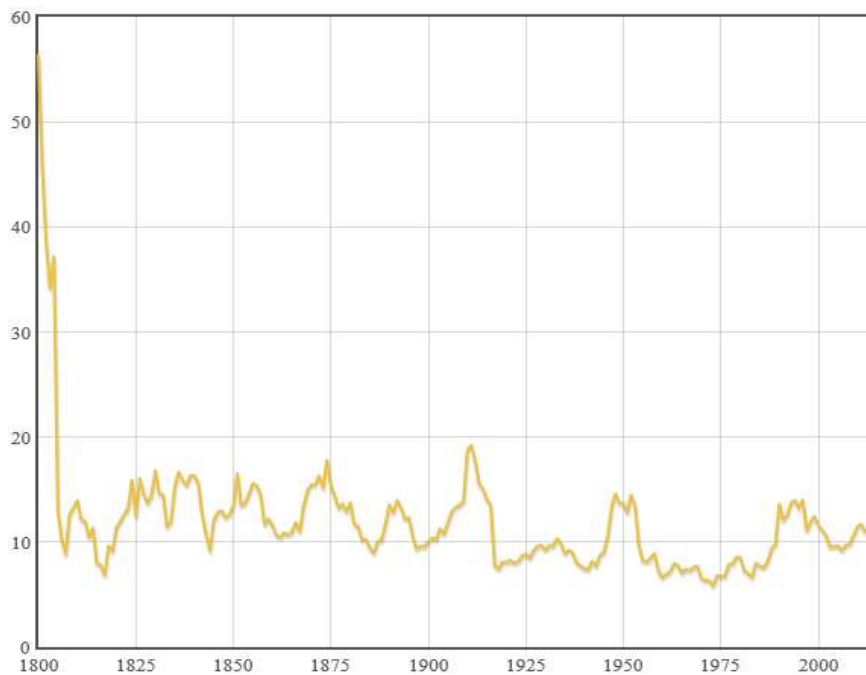

Рис. 4. Частотность употребления лексемы *наследство* (1800–2014 гг.)

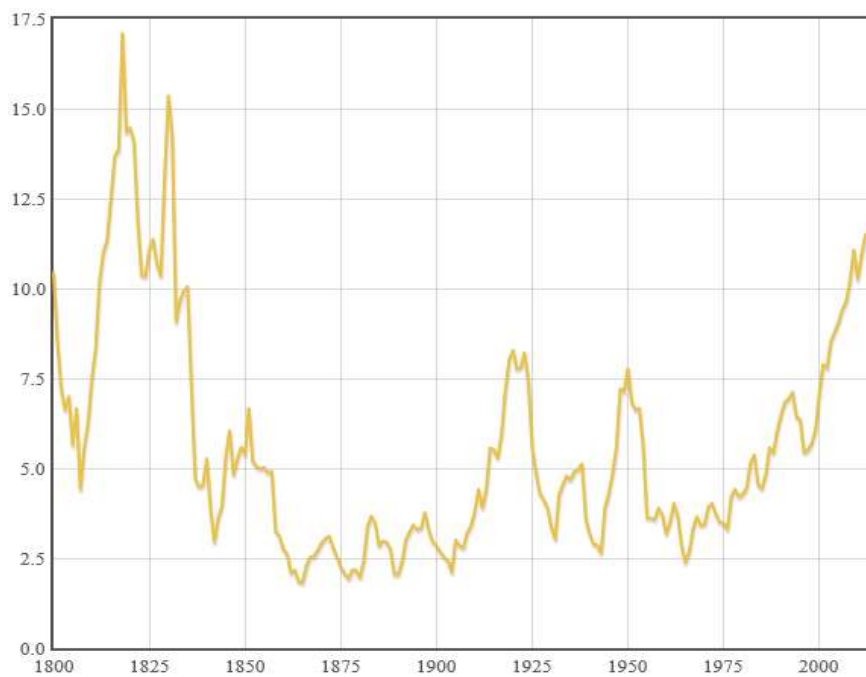

Рис. 5. Частотность употребления лексемы *наследие* (1800–2014 гг.)

На рис. 5 наблюдается резкий рост частотности употребления лексемы *наследие*. Популярность этого слова в устной и письменной речи, приходящаяся на начало XXI в., отражает возросший интерес общества к своему прошлому: культурные корни, родословные, традиции.

Рис. 6. Частотность употребления лексем *наследство* и *наследие* (1900–2014 гг.)

Ещё одно интересное изменение общественной мысли отражает корпус Google Books (GB), содержащий почти 600 текстов. На основе анализа частотности 67 млрд словоформ сервис Ngram Viewer построил график для паронимической пары *наследство/наследие* (рис. 6). Как видим, в начале XX в. более употребительным было слово *наследство*, как правило, служащее для обозначения имущественных прав человека на собственность или деньги умершего (обычно, родственника), но в последней четверти века слово *наследие*, частотность которого не переставая растёт в течение всего столетия, в паронимической паре вышло на первый план по распространённости. Данный график иллюстрирует смену ценностной парадигмы постиндустриального социума: нематериальное общественное начинает интересовать людей больше материального индивидуального.

* * *

На основе полученных в ходе настоящего исследования результатов могут быть сделаны следующие выводы.

1. Лексема *наследник* в период Древней Руси многозначная. Она используется в бытовой и религиозной сферах. Позже, в XVIII – XIX вв., мы видим её в основном в языке политики и юриспруденции, а в XX – XXI вв., как и в допетровскую эпоху, данное слово функционирует в значении ‘преемник’.

2. Появление у существительного *наследник*, обладающего нейтральной семантикой (‘преемник’ либо ‘последователь’), значения ‘титул правителя’ сопровождается сменой орфографии (слово начинает употребляться с прописной буквы) и по характеру семантического преобразования сходно с процессом терминологизации. Например, в эпоху бытования такого титула, как *Наследник*, применяемого к члену царской семьи, в юридических документах функционировал и *наследник по закону/завещанию*, а в разговорной речи использовались узусальные номинации *наследник* и *наследница* (иными словами, *наследники традиций*). Это, полагаем, идёт вразрез с весьма распространённым в языкознании представлением об отсутствии многозначности в кругу специальных слов: «Одно и то же слово может быть термином разных областей знания. Это не полисемия, а омонимия (ср. термин “систематика” в ботанике, экономике и математике), так как термины внутри своего терминологического поля обычно

однозначны в отличие от “обиходных” слов» [8, с. 1137]. По В.М. Маркову, разработавшему в 1980-х годах теорию семантического словообразования, «появление нового значения – это появление нового слова» (цит. по [9, с. 68]) (подробнее см. [10]). Впрочем, как справедливо отмечает Н.Н. Щербакова, вопрос «является до сих пор одной из самых острых и вызывающих серьёзную полемику проблем» [11, с. 230].

3. Прилагательное *наследный* также многозначное. Оно функционировало в двух смыслах: с одной стороны, ‘имеющий право на всё наследство, назначенный чьим наследником, преемником’, а с другой – ‘по праву наследства следующий, принадлежащий’. Однокоренное прилагательное *наследственный* в языке XVIII – XIX вв. имеет лишь одно значение – ‘по наследству получаемый, достающийся’, выказывая паронимические отношения между данными словами.

4. Существительные *наследство* и *наследие* изначально не отличались друг от друга ни семантически, ни стилистически. В течение XX в. слово *наследство* приобрело процессуальную семантику, наряду с основным значением появилось переносное, свойственное разговорной речи, – ‘то, что осталось от предшествовавшего владельца’.

5. Существительное *наследие* в современном русском языке совпадает с прямым значением лексемы *наследство*. В более ранние периоды эти слова оказываются тождественными однокоренным дериватам *наследование* и *наследствование*.

Источники

- ДПП – *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. – СПб: Диамант, 1997. – XX, 523 с.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/118_malyj_akademicheskij_slovar_svoobodnyj.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL www.ruscorpora.ru, свободный.
- РГИА – Акт о престолонаследии // 100 главных документов российской истории. – URL: <http://doc.histrf.ru/18/akt-o-prestolonaslednii/>, свободный.
- РМР – Русская мысль и речь: своё и чужое: опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний / Сост. М.И. Михельсон. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. – XII, 1046, 103 с.
- САР1 – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1794. – Ч. 5: От Р до Т. – 1084 стб.
- САР2 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1814. – Ч. 3: К–Н. – 1414 стб.
- СД – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1584 с.
- СЕ – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000. – URL: <http://efremova-online.ru/>, свободный.
- СерЭСКСВ – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Сост. В.В. Серов. – М.: Локид-пресс, 2005. – 880 с.
- СЗРИ – Свод законов Российской империи. – URL: <http://civil.consultant.ru/code/>, свободный.

- СК – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>, свободный.
- СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. – Т. 2: Л–П. – 1802 стб.
- СУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovuj_slovar_, свободный.
- СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. – Т. 1. – XXII, 415 с.; Т. 2. – 471 с.
- GB – Google books Ngram Viewer. – URL: <http://books.google.com/ngrams>, свободный.

Литература

1. Балалыкина Э.А. Русское адекватное словообразование на балто-славянском фоне. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 272 с.
2. Балалыкина Э. Словообразовательная омонимия имён на *-ник* в современном русском языке // *Jezyk Rosyjski: czasopismo dla nauczycieli* / Red. S. Słoński. – Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1987. – Nr 3. – S. 141–145.
3. Балалыкина Э.А. Лексико-грамматические особенности образований с конфиксом *на...ник* в истории русского языка // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород, 18–20 сент. 1984 г.): Тез. докл. и сообщ. – М., 1984. – С. 265–266.
4. Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. – М.: Наука, 1977. – С. 47–68.
5. Галеев Т.И. Наименования лиц по высшему социальному статусу в русской языковой картине мира XVIII – начала XXI в.: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 218 с.
6. Рыбакова С.А. История зарождения и становления наследственного права в России // *Мар. юрид. вестн.* – 2008. – Вып. 6. – С. 30–39.
7. Бегичев А.В. Тенденции формирования и развития наследственного права в России в дореволюционный период: историко-правовые аспекты соотношения публичных и частных интересов // *Нотариальный вестн.* – 2010. – № 9. – URL: http://old.notariat.ru/press_3596_23.aspx.htm#_ftn41, свободный.
8. Хакимова Г.Г. Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополья // *Вестн. Башкир. ун-та.* – 2013. – Т. 18, № 4. – С. 1136–1142.
9. Шейдаева С.Г. Когнитивное словообразование и теория семантического словообразования В.М. Маркова // *Язык и литература в научном диалоге: Сб. науч. ст.* – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2016. – С. 68–78.
10. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1981. – 29 с.
11. Щербакова Н.Н. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема // *Омский науч. вестн.* – 2005. – № 4. – С. 230–235.

Поступила в редакцию
18.04.17

Галеев Тимур Ильдарович, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tigaleev@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1106–1119

The Significance and Ambiguity of the Lexeme *naslednik* in the Russian Language

T.I. Galeev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: tigaleev@kpfu.ru

Received April 18, 2017

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the decline of polysemy of the lexeme *naslednik* (*наследник* ‘heir’) and its derivatives. In accordance with the purpose of the study, the following objectives have been set: to describe the semantic structure of the studied lexeme and its derivatives in the historical perspective for the considered time intervals; to trace the major changes in the morphemic and semantic structure of words; to describe the potential of the studied lexemes in terms of education of phraseology.

The following methods have been used to achieve the above objectives: lexicographic analysis, derivational analysis.

Particular attention has been paid to the connotative content of the investigated words and to the peculiarities of their use in artistic and religious texts, legal documents and publicism.

Based on the results of the study, the following conclusions have been made: in the Ancient Rus, the lexeme was polysemantic and used in the domestic and religious spheres. In the 18th – 19th centuries, the polysemy of the lexeme developed in politics and law. In the 21st century, the word again, as in the pre-Petrine era, was basically used in the meaning of *preemnik* (*преемник* ‘successor’).

The paper gives a number of examples proving that in the era when the title *naslednik* was common this lexeme acquired a different meaning, i.e., the heir of property, in legal documents. In speech, the usual nominations of *naslednik* and *naslednitsa* (*наследница* ‘heiress’) functioned (heirs to the traditions).

The obtained results are important for further study of particular sections of etymology, historical lexicology.

Keywords: social structure, class term, terminology, title, Russian mentality

Figure Captions

Fig. 1. The frequency of usage of the lexeme *naslednik* (*наследник* ‘heir’) (1800–2014).

Fig. 2. The frequency of usage of the lexeme *naslednitsa* (*наследница* ‘heiress’) (1800–2014).

Fig. 3. The frequency of usage of the lexeme *naslednyi* (*наследный* ‘hereditary’) (1800–2014).

Fig. 4. The frequency of usage of the lexeme *nasledstvo* (*наследство* ‘inheritance’) (1800–2014).

Fig. 5. The frequency of usage of the lexeme *nasledie* (*наследие* ‘heritage’) (1800–2014).

Fig. 6. The frequency of usage of the lexemes *nasledstvo* (*наследство* ‘inheritance’) and *наследие* (1900–2014).

References

1. Balalykina E.A. Russian adjectival word formation at the Balto-Slavic background. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2007. 272 p. (In Russian)
2. Balalykina E. Derivational homonymy of nouns with *-nik* in modern Russian language. *Jezyk Rosyjski: czasopismo dla nauczycieli*. Słoński S. (Ed.). Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1987, no. 3, pp. 141–145. (In Russian)
3. Balalykina E.A. Lexical and grammatical characteristics of word formations with the confix *na...nik* in the history of the Russian language. *Soveshchanie po voprosam dialektologii i istorii yazyka (Uzhgorod, 18–20 sent. 1984 g.): Tez. dokl. i soobshch.* [Proc. Conf. on the Problems of Dialectology and Language History (Uzhgorod, Sept. 18–20, 1984)]. Moscow, 1984, pp. 265–266. (In Russian)
4. Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography: Selected Works. *Ob osnovnom slovarnom fonde i ego slovoobrazuyushchei roli v istorii yazyka* [On the Basic Vocabulary and Its Word-Formative Role in the Language History]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 47–68. (In Russian)
5. Galeev T.I. Nomination of people based on the highest social rank in the Russian linguistic world image of the 18th – early 21st century. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 2013. 218 p. (In Russian)
6. Rybakova S.A. The history of origin and development of the inheritance law in Russia. *Mariiskii Yuridicheskii Vestnik*, 2008, no. 6, pp. 30–39. (In Russian)
7. Begichev A.V. The tendencies to formation and development of the inheritance law in Russia during the pre-revolutionary period: Historical and legal aspects of the ratio between the public and private interests. *Notarial'nyi Vestnik*, 2010, no. 9. Available at: http://old.notariat.ru/press_3596_23.aspx.htm#_ftn41. (In Russian)
8. Khakimova G.G. Term as a linguistic unit, term within the scope of terminological field theory. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1136–1142. (In Russian)
9. Sheidaeva S.G. Cognitive word formation and V.M. Markov's semantic word formation theory. *Yazyk i literatura v nauchnom dialoge* [Language and Literature in Scientific Dialogue]. Izhevsk, Udmurt. Gos. Univ., 2016, pp. 68–78. (In Russian)
10. Markov V.M. On the Semantic Way of Word Formation in the Russian Language. Izhevsk, Izd. Udmurt. Gos. Univ., 1981. 29 p. (In Russian)
11. Shcherbakova N.N. Semantic word formation as a linguistic problem. *Omskii Nauchnyi Vestnik*, 2005, no. 4, pp. 230–235. (In Russian)

Для цитирования: Галеев Т.И. Значимость и многозначность лексемы наследник в русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1106–1119.

For citation: Galeev T.I. The significance and ambiguity of the lexeme *naslednik* in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1106–1119. (In Russian)